ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ"

№ 13 Суббота, 12 (25) апрѣля 1903 г. № 13

Отклики прошлаго.

Ѳ. М. Достоевскій о спиритизмѣ.

(Изъ воспоминаній).

Все вперемежку: правда — съ обманомъ, наука—съ суевѣріемъ, стремленіе въ высь—съ грубѣйшимъ матеріализмомъ, съ стремленіемъ превратить даже духовъ въ обыденную плоть и кровь. Доктора всевозможныхъ наукъ, истерики и истерички, спиритическій президентъ высшаго швейцарскаго суда, сапожные подмастерья и полицейскіе агенты смѣняются въ берлинскомъ залѣ суда на разбирательствѣ дѣла Анны Ротте, точно въ хаотическомъ калейдоскопѣ. Длинная вереница вѣрующихъ, поклонниковъ, обвинителей, обманутыхъ — всего менѣе спокойныхъ, безпристрастныхъ свидѣтелей. Дѣло Ротте, матеріализирующей не только духовъ великихъ людей, Наполеоновъ, Цвингли и др., но и „мистическіе" цвѣты, тѣмъ именно и интересно, что въ немъ такъ наглядно и въ такой совокупности проявились самые противорѣчивые элементы спиритизма: съ одной стороны, загадочныя явленія неизслѣдованной еще силы, съ другой—затемняющіе ихъ шарлатанство и гешефтъ.

На судѣ выяснилось несомнѣнно, что „матеріализованные" Анною во время сеансовъ розы, орхидеи, „необычайныя" явайскія и аеинскія растенія просто покупались ею у извѣстной торговки и прятались въ подкладкѣ юбки; тѣмъ не менѣе, вѣра ея поклонниковъ въ чудодѣйственную силу знаменитой дамы нисколько не уменьшилась. Многіе изъ нихъ, впрочемъ, не отрицаютъ также ея фокусовъ и подтасовокъ, въ особенности въ періоды безсилія. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ, повидимому, и докторъ Мандельштамъ, судя по его разговору съ сотрудникомъ „Петербургской Газеты".

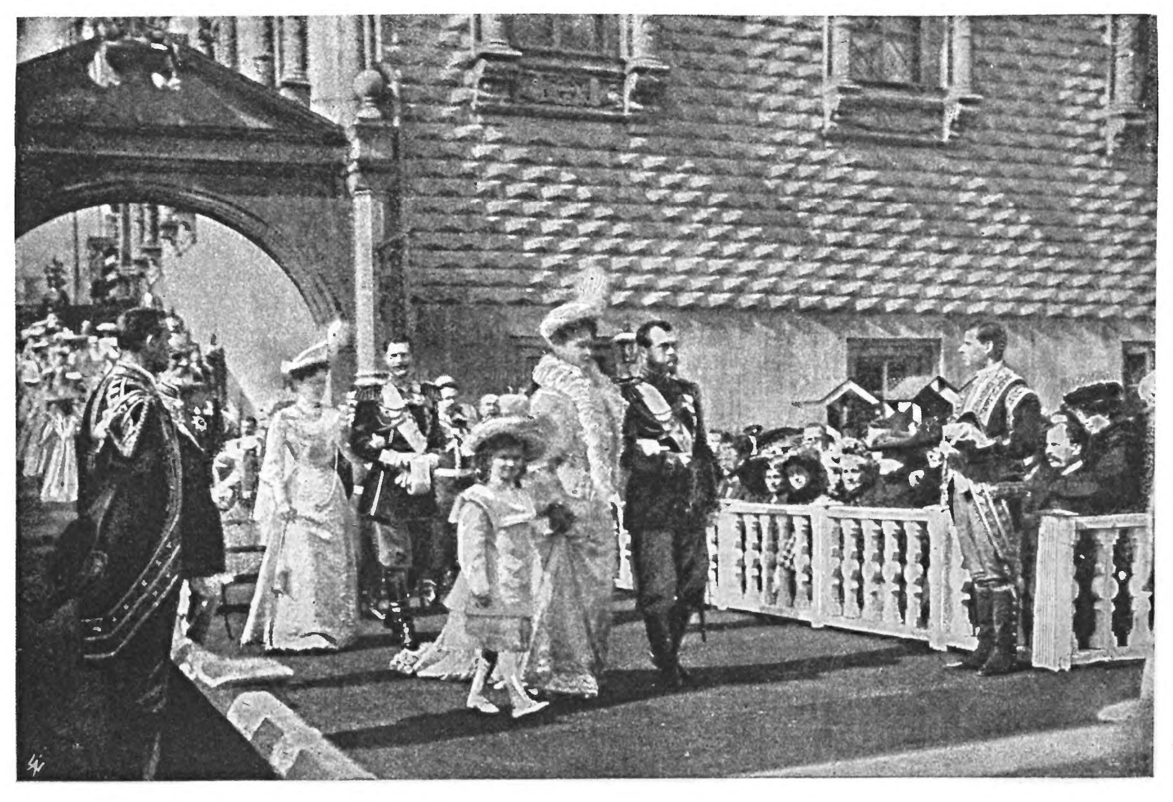
Какъ бы то ни было, о спиритизмѣ снова заговорили даже въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ обыкновенно вовсе имъ не интересуются. Чаще всего приходится встрѣчаться съ выраженіемъ удивленія, что въ медіумизмѣ, и практическомъ и теоретическомъ, столько уже десятковъ лѣтъ не замѣчается никакого прогресса, развѣ незначительныя модификаціи тѣхъ же самыхъ, давно наблюдаемыхъ явленій. Объясненій же ихъ, вполнѣ объективныхъ и выдерживающихъ критику, почти не имѣется. Интереснымъ исключеніемъ было данное проф. Тархановымъ (на одной изъ его послѣднихъ лекцій въ Тенишевскомъ залѣ) объясненіе, свѣтовыхъ явленій, продуцируемыхъ на спиритическихъ сеансахъ. Ученый академикъ объясняетъ ихъ способностью къ флуоресценціи клѣточекъ человѣческаго организма, присущею также, какъ извѣстно, и многимъ животнымъ.

Къ сожалѣнію, такъ называемые „положительные люди" считаютъ ниже своего достоинства знакомиться ближе съ тайнами медіумизма, привлекающими и нынѣ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, преимущественно людей увлекающихся, живущихъ воображеніемъ и обрѣтающихъ въ спиритизмѣ не только то, что въ немъ есть, но и то, чего имъ хочется.

Интересно знать, что нашелъ бы въ спиритизмѣ Достоевскій, а онъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, высказывалъ намѣреніе „серьезно имъ заняться".

Это было, помнится, въ одинъ изъ „вторниковъ" незабвеннаго проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. Нѣсколько курсистокъ, увидѣвъ въ числѣ гостей самого Ѳедора Михайловича, полушутя, полусерьезно усѣлись за столикъ въ сосѣдней темной комнатѣ, въ надеждѣ, что Достоевскій долженъ обладать такой медіумической силой, что двинетъ ихъ столъ даже черезъ стѣну. Увы, ни малѣйшихъ колебаній, ни одна ножка не трогалась съ мѣста. Между тѣмъ, хозяинъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, расхохотался и привелъ посмотрѣть на сеансъ самого его виновника.

— Откуда вы взяли, что я обладаю медіумической силой? Я до сихъ поръ никогда даже близко къ спиритизму и не подступалъ.

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ.—Выходъ Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей

Хотя всетаки могу вамъ разсказать три достовѣрные факта изъ этой области, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и даже неожиданнымъ для самого себя участникомъ.

Курсистки, само собою, навострили уши.

— Итакъ, въ одномъ извѣстномъ спиритическомъ салонѣ я, дѣйствительно, собственными глазами видѣлъ большой столъ, съ приборами, стоявшій просто на воздухѣ, довольно высоко отъ земли. Какъ это объяснить,—не знаю. Видѣлъ тоже самое, вмѣстѣ со мною и съ другими, и редакторъ „Недѣли"—Гайдебуровъ, и даже обѣщалъ разсказать объ этомъ въ своемъ журналѣ, но, должно быть, убоялся насмѣшекъ—и не разсказалъ.

— А гдѣ были руки державшихъ столъ?

— Руки, вытянутыя руки были надъ столомъ и едва могли прикасаться къ нему.—А вотъ второй фактъ. Зашелъ я какъ-то къ знакомымъ. Оказывается, что у нихъ было то же нѣчто вродѣ маленькаго сеанса. Въ роли случайнаго, но „сильнаго" медіума подвизалась пріятельница ихъ, женщина вполнѣ серьезная и искренняя, которую никакъ нельзя было заподозрить въ обманѣ. Мнѣ предложили загадать себѣ какія-нибудь цифры и обѣщали, что столикъ, подъ вліяніемъ г-жи Б., ихъ разгадаетъ. Я ушелъ въ другую комнату, совершенно пустую, нарочно выдумалъ цифры позамысловатѣе, для памяти записалъ ихъ въ нѣсколько рядовъ на бумажку, и тутъ же свернулъ ее и спряталъ въ карманъ. И вотъ всѣ эти ряды цифръ столикъ повторилъ мнѣ безъ малѣйшей ошибки. Какъ это могло случиться?—Опять-таки не знаю. Теперь третій и послѣдній фактъ. Насъ было трое въ комнатѣ: хозяинъ квартиры, я и та же самая дама-медіумъ. Она сидѣла на стулѣ, шагахъ въ десяти-двѣнадцати отъ нея стоялъ столъ, около котораго я стоялъ, поодаль впереди меня хозяинъ. Въ комнатѣ было такъ мало мебели, что она казалась почти пустою. Г-жа Б. и хозяинъ находились такъ далеко отъ стола, что не могли ни въ какомъ случаѣ коснуться его ни рукой, ни ногой, въ пустотѣ я могъ бы сейчасъ же замѣтить каждое ихъ движеніе. Мнѣ предложили положить на столъ носовой платокъ, такимъ образомъ, чтобы только одинъ уголъ его лежалъ на краю стола, остальные же три конца спускались свободно внизъ.

— Только прижимайте крѣпко платокъ рукою, а то его у васъ выдернутъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ я явственно ощутилъ легкое подергиваніе за одинъ изъ опущенныхъ краевъ платка, хотя и видѣлъ, что никто къ столу не приближался, затѣмъ подергиванія до того усилились, что я долженъ былъ нажимать очень сильно, наконецъ, какая-то невидимая сила ухватилась за самый длинный, средній конецъ платка и стала тащить его такъ крѣпко, что я еле удерживалъ его обѣими руками. Я видѣлъ отлично, какъ платокъ вытянулся въ воздухѣ въ горизонтальномъ направленіи, точно его держалъ кто-то за средній конецъ (хотя, конечно, этого быть не могло), и какъ на немъ замѣтно обозначались продольныя полосы,—выступающія при сильномъ натяженіи. Вотъ и все, что я знаю о спиритизмѣ изъ личнаго опыта.

— И вы не заинтересовались глубже подобными явленіями?

— Наоборотъ, я считаю ихъ даже очень важными и намѣреваюсь когда-нибудь серьезно ими заняться—до сихъ поръ некогда мнѣ было.

Ни самъ Достоевскій, ни его друзья не предчувствовали даже въ то время его столь быстрой кончины...

Р. Бодуэнъ де-Куртенэ.

Объ Аделинѣ Патти.

(Изъ воспоминаній театрала).

На-дняхъ иностранныя газеты сообщили, что Аделина Патти ангажирована въ Америку на шесть мѣсяцевъ за нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Извѣстіе это крайне поразило всѣхъ поклонниковъ знаменитой дивы. Получать сотни тысячъ рублей въ 60 лѣтъ слишкомъ для пѣвицы-сопрано—фактъ чрезвычайный, небывалый. Пять лѣтъ тому назадъ Аделина Патти, имѣя 57 лѣтъ отъ роду, сочеталась законнымъ бракомъ (съ молодымъ человѣкомъ 28 лѣтъ), слѣдовательно, въ настоящее время Патти отъ роду 62 года. Трудно себѣ представить, даже почти невозможно, чтобы сопрано въ 62 года могло такъ же хорошо сохраниться, какъ въ 25—30 лѣтъ. Я слышалъ Патти въ Лондонѣ, Парижѣ, Неаполѣ, Миланѣ и Петербургѣ.

Многіе до сихъ поръ помнятъ фуроръ Патти на сценѣ Большого петербургскаго театра. Въ ту эпоху начался ея романъ съ теноромъ Николини, чего законный супругъ Патти, маркизъ Ко, не могъ, конечно, сносить равнодушно. Онъ часто приходилъ къ ней въ уборную, дѣлалъ ей сцены ревности и даже одинъ разъ ударилъ ее по лицу. Все это страшно взволновало петербургскую публику, и въ то время градоначальникъ Треповъ распорядился поставить околоточнаго надзирателя къ двери уборной Патти, которому было приказано не пускать маркиза Ко за кулисы.

Кто не знаетъ, какъ петербургская публика щедро наградила, даже черезчуръ щедро Аделину Патти золотомъ и брилліантами? Какъ же отблагодарила публику знаменитая дива? А вотъ какъ. Этотъ фактъ слѣдуетъ припомнить, тѣмъ болѣе, что онъ случился весьма недавно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Патти написала изъ Лондона письмо къ своему петербургскому агенту. Въ письмѣ этомъ она изъявляла желаніе дать въ Петербургѣ концертъ, для чего просила начать продажу билетовъ. Въ продолженіе трехъ дней билеты были проданы всѣ до единаго. По распоряженію градоначальника Грессера, сумма денегъ, вырученная за билеты, была положена въ банкъ. Вскорѣ изъ Вѣны Аделина Патти спрашивала телеграммой петербургскаго агента: „всѣ-ли билеты проданы на концертъ?" Агентъ отвѣчалъ, что билеты всѣ проданы; тогда Патти снова телеграфировала изъ Вѣны, чтобы сумма денегъ, вырученная за билеты на концертъ, была переведена въ вѣнскій банкъ, *иначе она въ Петербургъ не поѣдетъ*. Объ этой телеграммѣ Патти было доложено градоначальнику Грессеру; онъ, конечно, возмутился. Не вѣрить публикѣ, которая была такъ щедра и деликатна по отношенію Патти, дѣйствительно, было недостойно артистки. Патти была отправлена телеграмма, что петербургская публика *„не желаетъ ее слушать"*, и что она можетъ не пріѣзжать въ Петербургъ. Этотъ фарсъ когда-то знаменитой дивы остался почти не замѣченнымъ, и теперь, когда Патти въ преклонныхъ лѣтахъ ѣдетъ очаровывать американцевъ, ея черезчуръ безцеремонный, чтобы не сказать наглый, поступокъ съ петербуржцами невольно приходитъ на память.

Впрочемъ, Патти всегда отличалась поклоненіемъ золотому тельцу. Она имѣла нѣкоторое основаніе усомниться въ своемъ успѣхѣ въ Петербургѣ. Въ Вѣнѣ съ ней былъ такой казусъ. Она пѣла въ концертѣ, публика ей, конечно, усердно апплодировала, но между публикой были и музыкальные рецензенты. Одинъ изъ нихъ, говоря о пѣніи несравненной дивы, замѣтилъ, что верхнія ноты Патти стали уже далеко не такъ звучны и чисты, какими были онѣ въ ея молодости. Патти очень разобидѣлась, прочтя эту рецензію, и автора ея пожелала привлечь къ суду. Для этого, конечно, былъ приглашенъ адвокатъ, которому дива вручила напечатанную о ней рецензію. Адвокатъ внимательно прочелъ врученную ему газету и сказалъ:

— Синьора, я исполню ваше желаніе, но считаю своимъ долгомъ предупредить, что въ камеру судьи будетъ поставлено піанино, и васъ пригласятъ брать высокія ноты въ присутствіи экспертовъ.

Послѣ этого замѣчанія адвоката Аделина Патти уже не рѣшилась преслѣдовать судомъ музыкальнаго критика. Это происшествіе случилось въ Вѣнѣ незадолго передъ тѣмъ, какъ она изъявила согласіе дать концертъ въ Петербургѣ. Если бы высокія ноты Патти не потускнѣли отъ старости, то, конечно, она не побоялась бы пѣть передъ экспертами.

Вотъ еще случай, доказывающій, что и на несравненную диву время наложило свою печать. Въ 1880 году, осенью, передъ своей поѣздкой въ Америку, Патти пожелала дать 12 экстраординарныхъ представленій въ неаполитанскомъ театрѣ „Sant-Carlo". Въ числѣ оперъ, объявленныхъ ею, была и „Риголетто", въ которой Патти должна была выступить въ своей коронной роли Джильды; театръ, несмотря на паттіевскія цѣны, былъ наполненъ съ верху до низу. Публика съ нетерпѣніемъ ждала знаменитой аріи второго акта—„Caro nome". Артистка запѣла ее. Вдругъ на верху крикнули: „corpo di Bacco, sbaccato!" (чертъ возьми, понижено!). Вслѣдъ за этимъ послышалось шиканье. Патти, не обращая вниманія, продолжала пѣть, тогда начали кричать: „Basta, basta!"

На сцену полетѣли орѣхи, окурки сигаръ каштаны. Крики до того усилились, что уже не было никакой возможности слышать ни оркестра, ни пѣвицы. Патти сверкнула глазами и ушла за кулисы. Занавѣсъ спустился, опера по случаю внезапной болѣзни примадонны не могла продолжаться. Публика получила свои деньги обратно.

При выходѣ изъ театра, многіе говорили, что не слѣдовало такъ жестоко поступать съ знаменитой артисткой. На это неаполитанцы отвѣчали: „Синьора Патти умѣла назначить тройныя цѣны за мѣста въ театрѣ; чтобы ей кстати на афишѣ сказать, что арію „Caro nome" она споетъ полутономъ ниже". Если 23 года тому назадъ Аделина Патти должна была понижать свои партіи, то можно себѣ представить, какъ она будетъ хороша въ настоящее время...

Н. П.

«Чаю просятъ».

(Сценка изъ средне-азіатскаго быта).

„Безъ образованныхъ и добросовѣстныхъ переводчиковъ нѣтъ правосудія, а есть только судебная процедура",—это положеніе много разъ доказывалось на дѣлѣ, когда рѣчь заходила о судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ нашихъ окраинъ.

Маленькой, но характерной иллюстраціей къ этому вопросу можетъ послужить слѣдующій курьезный случай, происшедшій однажды съ покойнымъ генераломъ Г. А. К—скимъ, бывшимъ губернаторомъ Семирѣченской области.

При объѣздѣ области, во время привала на пути къ одному дунганскому *) селенію, генералъ, выйдя изъ палатки, замѣтилъ толпу

*) Дунгане—одно изъ китайскихъ племенъ, населяющее въ Семирѣченской области нашу пограничную съ Китаемъ полосу, и отличающееся примѣрнымъ трудолюбіемъ и честностью.

дунганъ, которые, униженно кланяясь, очевидно, хотѣли изложить предъ генераломъ какую-то просьбу. Переводчика, какъ на зло, не было налицо: онъ отсталъ, задержанный исполненіемъ какого-то порученія.

— Сироглазъ!—обратился генералъ къ бравому казаку, одному изъ сопровождавшаго его конвоя. Ты, кажется, служилъ въ этихъ мѣстахъ,—можешь разобрать, чего они хотятъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Ну, спроси.

Сироглазъ бойко обратился къ дунганамъ съ вопросомъ. Тѣ залопотали по своему: „дзюжжи-цю-чи-ча...“

— Такъ что, ваше превосхо итетельсто, ёни чаю просятъ,—перевелъ Сироглазъ рѣчь просителей.

— Чаю?—удивился генералъ необычной просьбѣ.—Ну, напойте ихъ чаемъ.

И ушелъ въ палатку.

Отдохнувъ и выйдя изъ палатки, чтобы продолжать путь, онъ снова увидѣлъ, къ своему изумл нію, тѣхъ же дунганъ, упавшихъ при видѣ его на колѣни.

Опять вызванъ на сцену Сироглазъ и снова началось то же цоканье и дзыканье: „чи-чацзы-цзю-чи...“

— Ну, чего имъ еще?—нетерпѣливо спросилъ генералъ, уже сѣвшій на лошадь.

— Такъ что, ваше превосходительство, ёни еще чаю хотятъ,—не смущаясь, отвѣтилъ случайный переводчикъ.

— Что за глупости!—разсердился генералъ. — Ахъ, да!—догадался онъ, — должно быть у нихъ дома нѣтъ чаю. Дайте имъ фунта полтора... Самимъ-то хватитъ до Вѣрнаго?—спросилъ онъ окружающихъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство,—отвѣчали казаки.

Генералъ поскакалъ впередъ, желая избѣжать выраженій благодарности.

Пріѣхавъ на ночлегъ въ сосѣднее селеніе, генералъ былъ разбуженъ ночью какимъ-то шумомъ, раздававшимся около его палатки. Прислушался: казаки его, очевидно, кого-то отгоняли нагайками, кто-то сопротивлялся и жалобно голосилъ.

Вышелъ изъ палатки—что за чортъ!—тѣ же дунгане, и опять, упавъ на колѣни, протягиваютъ къ нему руки и вопятъ.

— Сироглазъ! — закричалъ разгнѣванный генералъ,—что это значитъ? Какого дьявола имъ еще надо?

Сироглазъ, стыдливо опустивъ глаза въ землю, смущенно молчалъ.

— Ну, что же, наконецъ?!—еще сердитѣе спросилъ генералъ.

— Имъ бы,—совершенно упавшимъ голосомъ пролепеталъ Сироглазъ,—имъ бы... еще чайку дать...

Сверкнувшая было въ глазахъ генерала молнія гнѣва, при видѣ комичной фигуры окончательно павшаго духомъ Сироглаза, который понялъ, что тайна его лингвистическихъ познаній открыта,—смѣнилась невольнымъ неудержимымъ хохотомъ.

Хохоталъ генералъ, смѣялись всѣ окружавшие его. Даже дунгане, хотя и не понимали причины общаго смѣха, начали весело улыбаться. Только злополучный Сироглазъ, сконфуженный до слезъ, готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Какъ разъ въ эту минуту подъѣхалъ отставшій отъ генерала переводчикъ и выяснилъ какую-то важную претензію дунганъ, которые никакъ не могли понять,—зачѣмъ это русскій большой генералъ такъ усиленно награждаетъ ихъ чаемъ, а на ихъ просьбу не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Н. Гармсилъ.

Юрій Яковлевичъ Леманъ и его наслѣдіе.

Царь женскаго портрета, Юрій Яковлевичъ Леманъ, умеръ около трехъ лѣтъ назадъ. Онъ не былъ особенно продуктивенъ, этотъ замѣчательный мастеръ, и немного картинъ-портретовъ написалъ за всю свою, слишкомъ шастидесятилѣтнюю жизнь. Однако, послѣ него осталось сорокъ два холста, различныхъ по размѣрамъ и по качеству живописи. Половина этихъ вещей принадлежитъ родному племяннику покойнаго, П. Н. Леману.

На-дняхъ я имѣлъ возможность осмотрѣть наслѣдіе Юрія Яковлевича. Какія прекрасныя очаровательныя, по техникѣ, картины!

Теперь, когда новаторствующая молодежь смѣется надъ правильностью рисунка и красивымъ мазкомъ, потому что, частью не умѣетъ, частью не хочетъ хорошо рисовать и писать,—языкъ линій и красокъ, дивный, но трудный языкъ, — теперь, въ наше смутное для пластическихъ искусствъ время, вещи Лемана особенно цѣнны. Онъ постигъ тайну серьезнаго и вдумчиваго рисунка, овладѣлъ богатствомъ своей волшебной палитры. Леманъ имѣлъ двухъ нѣмыхъ и въ то же время краснорѣчивыхъ учителей, которымъ онъ неуклонно слѣдовалъ до могилы. Это Веласкесъ и Ванъ-Дейкъ. Великіе учителя!

Много интересныхъ полотенъ унаслѣдовалъ племянникъ отъ своего знаменитаго дяди.

Вотъ замерла въ сладострастной истомѣ, на лоснящейся тигровой шкурѣ, нагая, рыжеволосая красавица, съ широко раскрытымъ вакхическимъ взглядомъ зеленыхъ русалочныхъ глазъ. Вся поза полна манящаго призыва. Безподобно переданъ тонъ нѣжнаго выхоленнаго тѣла. Чуть розовѣютъ круглыя колѣни, чуть розовѣетъ упругая грудь... Вотъ кокетливо смѣется молодая женщина въ голубомъ платьѣ и широкой шляпкѣ, изъ подъ которой падаютъ на плечи, обрамляя хорошенькое личико, бѣлокурые волосы. Чувственныя, сочныя губы полуоткрыты, сверкаютъ бѣлыя, какъ сахаръ зубки. Высокій бюстъ, тонкая талія. Одна рука вытянулась вдоль крутого крѣпкаго бедра и держитъ хлыстъ. Другой рукой кокетка уперлась въ бокъ, причемъ наружу разовѣетъ раковина руки съ длинными тонкими пальцами. Чѣмъ то соблазнительнымъ вѣетъ отъ всей гибкой, змѣиной фигуры. Это не портретъ, не картина, а живая женщина. Да, чародѣй Леманъ, умѣлъ какъ никто, передать изящную, полную затаенной чувственности грацію чистокровной парижанки. Теперь такъ не пишутъ,—сочно, горячо, красиво.

Такія вещи не надоѣдаютъ. Вѣчно, кажется, смотрѣлъ бы, любовался бы гармоничными, колоритными симфоніями, говорящими о чувствовавшемъ прелесть красокъ живописцѣ. Вотъ мужская голова, съ большимъ, характернымъ лбомъ, сильно вылѣпленная смѣлыми, энергичными мазками. Это—Чайковскій...

Кто бы могъ подумать, глядя на темнаго мѣшковатаго Лемана, что онъ такой изящный художникъ. Одно выдавало его—тонкіе, длинные, словно выточенные пальцы, которыми онъ занимался, и которые холилъ не въ примѣръ всей своей грузной фигурѣ. Я всего разъ видѣлъ Лемана, за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, у Владиміра Егоровича Маковскаго. Тридцать два года, проведенныхъ почти безвыѣздно въ Парижѣ, не отразились нисколько на Юріѣ Яковлевичѣ. Онъ остался чисто русскимъ человѣкомъ. Русская серебряная борода лопатой, русская, хрипловатая рѣчь, и чай пилъ онъ по-русски—съ блюдечка. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, Леманъ работалъ надъ миніатюрами для императрицы Евгеніи. Помимо денежнаго гонорара, онъ получилъ въ подарокъ зеркало обрамленное въ стилѣ Рококо, находящееся теперь у племянника. Юрій Яковлевичъ, былъ лѣнивъ и неподвиженъ. Этимъ объясняется его слабая продуктивность. Благодаря своей неподвижности, онъ не уѣхалъ изъ Парижа въ семидесятомъ году, когда его осадили пруссаки. Большой гурманъ, привыкшій обѣдать въ лучшихъ ресторанахъ, онъ былъ жестоко наказанъ за это. Приходилось голодать и питаться крысами.

Одинъ маркизъ, заказалъ Юрію Яковлевичу большой портретъ своей жены во весь ростъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ Василій Васильевичъ Верещагинъ:

Рисунокъ, которымъ Леманъ никогда не блестѣлъ, оказался, однако, вялъ, а краски несмѣлы, такъ что представленная не красавица, но миловидная еще молодая женщина выглядывала, несмотря на декольтэ и бальное платье съ большимъ трэномъ, не авантажно.

Чтобы выручить пріятеля, я пришелъ утромъ на подмогу и, снявъ пиджакъ, вооружившись палитрой, пока пріятель бѣгалъ за провизіей и приготовлялъ завтракъ, прошелъ весь портретъ съ головы до ногъ: скрасилъ глаза, придалъ улыбку губамъ, стянулъ талію и проч.

— Почему нѣтъ украшеній — развѣ у нея нѣтъ ихъ?

— Есть, но она такая скромная, никогда ихъ не носитъ.

— Давай ихъ сюда.

Леманъ сбѣгалъ за ожерельемъ, браслетами и кольцами, которыми изображеніе благородной маркизы тутъ же и украсилось; когда брилліантовое перо въ волосахъ завершило нарядъ, портретъ вышелъ хоть куда и понравился самой барынѣ и ея мужу!!

Бѣдный Леманъ! Бѣдный царь женскаго портрета! Не поздоровилось бы ему отъ подобнаго „воспоминанія“. Конечно, мы не имѣемъ права не вѣрить почтеннѣйшему Василію Васильевичу. Но въ то же время, приведенная сценка слишкомъ необычайна. И тотъ и другой великіе художники, но каждый въ своей области. Одинаково немыслимо предположить въ Леманѣ баталиста и въ Верещагинѣ дамскаго портретиста. Грубоватый и черноватый мазокъ Василія Васильевича только испортилъ бы колоритную, красивую, горячую живопись Лемана. Кромѣ того, глубоко самолюбивый Юрій Яковлевичъ врядъ ли позволилъ бы чужой кисти хозяйничать, столь безцеремонно на своемъ холстѣ и „проходить весь портретъ съ головы до ногъ“.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Леманъ написалъ одну изъ лучшихъ вещей своихъ „Даму временъ Директоріи“. Въ голубомъ бархатномъ платьѣ, съ кокетливо сдвинутой на бокъ широкополой шляпой, съ хлыстомъ въ рукѣ и вызывающими глазами на смѣющемся лицѣ,—фигура молодой, красивой женщины, вылѣпленная до полной иллюзіи, приковывала къ себѣ вниманіе каждаго. Произвела „Дама временъ Директоріи“ сильное впечатлѣніе и на Александра Дюма. Леманъ уступилъ ему эту вещь за три тысячи франковъ, несмотря на то, что другіе предлагали значительно большую сумму. Александръ Дюма сдружился съ Леманомъ и всегда разводилъ руками, слушая скверную французскую рѣчь Юрія Яковлевича.

Работалъ Леманъ медленно. Для одной и той же картины модели позировали по шестидесяти сеансовъ. Увлекаясь работой, онъ могъ писать безостановочно цѣлыми часами. И нерѣдко случалось, что обезсилѣвшія натурщи-

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ.—Ихъ Императорскія Величества у вратъ Чудова монастыря, 30 марта 1903.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

цы падали въ обморокъ. Безъ настроенія Юрій Яковлевичъ не могъ писать. И тогда, не прикасаясь къ кистямъ, подолгу изучалъ онъ глазами застывшую въ одной позѣ модель. Поэтому онъ избѣгалъ портретныхъ заказовъ, а если и брался за нихъ, то далеко не всегда исполнялъ.

Одинъ богатѣйшій лордъ, которому очень понравились выставленныя въ „Салонѣ“ головки Лемана, заказалъ ему восемь портретовъ членовъ своей семьи.

Леманъ долженъ былъ ихъ написать съ фотографій, чтобы потомъ, когда пріѣдетъ изъ Лондона семейство лорда, пройти каждый холстъ съ натуры.

Условились за все—восемьдесятъ тысячъ франковъ. Проходитъ два мѣсяца. Лордъ со всѣми своими домочадцами явился въ мастерскую Юрія Яковлевича. И, къ ужасу своему, замѣтилъ, что Леманъ ограничился одними только контурами. Ни одного мазка! Лордъ далъ ему еще два мѣсяца сроку,—очень ужъ пришлась ему по душѣ кисть Лемана. Пріѣзжаютъ англичане вторично—опять одни кон-

Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ.—Поклонъ Ихъ Императорскихъ Величествъ народу съ Краснаго крыльца.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Высокопреосвященный Димитрій,
новый архіепископъ казанскій.

туры. Тогда лордъ поставилъ на неисправимомъ Леманѣ крестъ и обратился къ Бонна... Заказная работа подавляла всякій творческій духъ Юрія Яковлевича. И послѣ этого новаторскіе „критики“ смѣютъ называть Лемана магазиннымъ мастеромъ!

За два года до смерти, Леманъ,—бѣдный, на-половину ослѣпшій старикъ,—пріѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ крохотной квартиркѣ на Тучковой набережной. Мягкой нѣжной душой обладалъ старый холостякъ. Въ своей пустынной кухонькѣ—Леманъ не обѣдалъ дома—онъ кормилъ голубей. Довѣрчиво влетали они къ нему въ окошко, клевали кормъ и садились ему на плечи, на руки...

Что-то трогательное было въ этомъ безмятежномъ времяпрепровожденіи царя женскаго портрета, „забивавшаго“ своими чудными головками первоклассныхъ французовъ.

Н. Брешко-Брешковскій.

Преосвященный Іоаннъ,
бывшій епископъ саратовскій, назначенный членомъ Московской синодальной конторы.
Съ фотографіи Д. Злобнова, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Семейный бытъ японцевъ.

Несмотря на то, что Японія сосѣдка Россіи, у насъ мало знакомы съ бытомъ этой страны. Появлялись у насъ и появляются въ настоящее время книги съ описаніемъ климата и природы Японіи, но наши путешественники мало касались семейнаго быта японцевъ; тѣ же свѣдѣнія о семейномъ бытѣ Японіи, которыя проникли въ русское общество, въ большинствѣ случаевъ очень легковѣсны и порою сильно грѣшатъ противъ истины.

Съ цѣлью дать правильное и безпристрастное понятіе о семейномъ бытѣ японцевъ, въ обществѣ востоковѣдѣнія секретарь японскаго посольства г. Ода сдѣлалъ на эту тему весьма интересный докладъ.

2563 года тому назадъ въ Японіи вступилъ на престолъ первый императоръ, потомокъ котораго, Муцухито, царитъ тамъ въ настоящее время уже 36 лѣтъ. Это по счету 125-й японскій императоръ, который считается отцомъ всей Японіи. Отецъ каждой японской семьи—это маленькій царекъ, который пользуется у себя дома почти неограниченной властью. У древнихъ японцевъ существовала полная свобода въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной; современное же японское общество свято чтитъ таинство брака. Браки въ Японіи совершаются пре-

Преосвященный Тихонъ,
епископъ елисаветградскій.
† 29-го марта въ Херсонесскомъ монастырѣ.
Съ фотографіи Д. Злобнова, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

I-ый рядъ, сверху профессора: Н. Θ. Кащенко, В. Я. Данилевскій, С. Н. Живаго, С. О. Платоновъ, А. И. Введенскій, Г. Θ. Вороной, кн. Е. Н. Трубецкой, П. П. Пустороелевъ, Н. Н. Феноменовъ, Н. Θ. Высоцкій, Я. Я. Никитинскій, А. Д. Гатцукъ, В. И. Гриневецкій, Г. П. Кирилловъ, В. Л. Кирпичевъ.
II-ой рядъ, профессора: В. Г. Щегловъ, Е. Н. Щепкинъ, Л. Л. Гиршманъ, В. П. Амалицкій, И. И. Граве, Ю. А. Кулаковскій, В. Н. Великій, А. Н. Деревицкій, Д. П. Коноваловъ, Д. Н. Зерновъ, А. П. Скворцовъ, В. А. Гемиліанъ, Н. Л. Щукинъ, В. А. Обручевъ.
III-ій рядъ, профессора: И. Я. Гурляндъ, С. Θ. Веберъ, А. С. Будиловичъ, директоръ департамента мин. народн. просвѣщ. В. А. Рахмановъ, вице-през. Имп. Ак. Наукъ П. В. Никитинъ, тов. мин. нар. просв. С. М. Лукьяновъ, мин. нар. просв. Г. Э. Зенгеръ, тов. мин. нар. пр. И. К. Ренаръ, ординар. акад. В. В. Латышевъ, профес. Г. Е. Рейнъ, членъ сов. м. н. пр. Н. И. Тавилдаровъ, профес.: А. С. Посниковъ и В. Б. Струве.
(Кромѣ означенныхъ лицъ, членами комиссіи были еще: Н. Я. Сонинъ, А. С. Алексѣевъ, Г. Θ. Дормидонтовъ, Д. Н. Соловьевъ, А. П. Остапенко, А. В. Гречаниновъ, Е. Э. Бергманъ, К. А. Рачинскій, П. К. Покровскій, А. П. Саломонъ и Л. Θ. Николаи, которые не были въ Петербургѣ въ то время, когда снималась группа этихъ представителей науки).

Комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія по реформѣ высшей школы.
Съ фотографіи Лоренса, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

имущественно посредствомъ сватовъ, которые остаются на всю жизнь покровителями молодыхъ. Обрядъ выхода замужъ дѣвушки--тотъ же, что и обрядъ похоронъ. Японцы объясняютъ этотъ странный обычай тѣмъ, что дочь съ выходомъ замужъ умираетъ для своей семьи. Первую недѣлю послѣ свадьбы невѣста остается въ домѣ своихъ родителей, которыхъ навѣщаетъ ежедневно и женихъ; лишь по истеченіи недѣльнаго срока молодая переходитъ на квартиру своего мужа. Передъ свадьбой невѣстѣ мать преподаетъ 13 традиціонныхъ правилъ: 1) выйдя замужъ, ты должна слушать родителей своего мужа, 2) послѣ свадьбы у тебя одинъ господинъ—твой мужъ, 3) будь добра къ свекрови и къ родственникамъ мужа, 4) не будь ревнива, 5) переноси терпѣливо гнѣвъ мужа, 6) не будь горделива, 7) вставай рано, ложись поздно и не спи днемъ, 8) не старайся угадывать судьбу у знахарей и гадалокъ, 9) будь хорошей хозяйкой дома, 10) избѣгай общества молодыхъ людей, 11) будь чистоплотна и не носи яркихъ платьевъ, 12) не хвастай и не будь завистлива и 13) съ прислугой обращайся вѣжливо.

Въ Японіи и мужчина, и женщина должны выйти замужъ или жениться въ молодыхъ годахъ:такъ, мужчина въ 25 лѣтъ и дѣвушка въ 22 года считаются уже старыми холостяками и старыми дѣвами. Еще въ недавнее время, чтобы выйти замужъ или жениться, нужно было согласіе не только отца и матери, но и всѣхъ родственниковъ; въ настоящее время необходимо лишь согласіе родителей. Разводъ въ Японіи получить легко, но для этого необходимы слѣдующія условія: измѣна одной изъ сторонъ и пребываніе въ безвѣстной отлучкѣ не менѣе 5 лѣтъ одного изъ супруговъ. При бездѣтности японцы иногда прибѣгаютъ къ довольно странному выходу—берутъ къ себѣ въ домъ при живой такъ называемую по-японски „мекакету“, т. е. вторую жену, которая пользуется, по японскимъ законамъ, всѣми гражданскими правами, и дѣти ея считаются законными. Но „мекакеты“ въ Японіи въ настоящее время рѣдкость. Въ общемъ, японцы очень хорошо относятся къ своимъ женамъ, но при постороннихъ съ женами для вида обращаются очень строго, хотя на дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ находятся у своихъ женъ подъ башмакомъ..

Отецъ имѣетъ право въ Японіи выгнать изъ дому своего сына и усыновить вмѣсто него другого, то же самое можетъ сдѣлать и сынъ, т. е. избрать себѣ другого отца, если родной отецъ плохо съ нимъ обращается.

Всѣ японцы и японки грамотны, страстно любятъ свою родину и готовы для нея на всякія жертвы.

Нынѣшняя жизнь туристовъ въ странѣ фараоновъ.

Лежащая на развалинахъ Ѳивъ деревня Люксоръ, въ которой задержался нѣмецкій наслѣдный принцъ, благодаря своей болѣзни, еще 15 лѣтъ тому назадъ въ зимнее время представляла одну пустыню; въ единственномъ существовавшемъ тогда отелѣ проживало только нѣсколько ученыхъ, корпѣвшихъ надъ іероглифами, да нѣсколько тяжело-больныхъ, желавшихъ хоть на нѣсколько часовъ продлить свою жизнь. Желѣзная дорога находилась въ 300 километрахъ, въ Асснутѣ, и маленькіе скверные пароходики два раза въ недѣлю высаживали на берегъ полъ-дюжины пассажировъ, путешествовавшихъ по Нилу и съ слѣдующимъ пароходомъ уѣзжавшихъ обратно. Но все уже давно измѣнилось, и большой пароходъ „Рамзесъ Великій“ кишитъ пассажирами, хотя желѣзная дорога идетъ теперь до самаго Катароктра. Пароходъ, въ сущности, представляетъ единственный возможный способъ осмотрѣть всю долину, ибо онъ пробѣгаетъ вездѣ, гдѣ возвышаются памятники, а роскошное устройство самаго парохода даетъ возможность путешественникамъ, но большей части англичанамъ и американцамъ, тотъ комфортъ, который они такъ цѣнятъ. Цѣлый день туристы проводятъ на воздухѣ, бѣгая по развалинамъ Ѳивъ, и только вечеромъ собираются всѣ вмѣстѣ въ отелѣ.

Старѣйшій изъ отелей — „Люксоръ-Отель“, скромно освѣщавшійся прежде масляными лампами, теперь совершенно измѣнился. Теперь онъ изъ себя представляетъ оживленный космополитическій караванъ-сарай, ярко залитый потоками электрическаго свѣта. Прилегающій къ отелю садъ, засаженный пальмами и мимозами, находится на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде были священныя рощи большого храма Аммона. Днемъ здѣсь не видно никакихъ признаковъ жизни. Раннимъ утромъ совершаетъ здѣсь каждый свою прогулку и только на берегу Нила видны яркіе легкіе туалеты, шляпы съ цвѣтами, свѣтлые зонтики; извозчичьи дрожки—тоже прогрессъ—кого везутъ въ Карнакъ, кого вверхъ по рѣкѣ, за Люксоръ. Барки перевозятъ путешественниковъ на другой берегъ рѣки, и тамъ на ослахъ мчатся они по равнинѣ, гдѣ когда-то возвышались „стовратныя“ Ѳивы. Полѣвую сторону находится колоссъ Тотмеса III, далѣе темная масса „Медшидъ Абу“ и почти нетронутый временемъ храмъ Рамзеса II съ его восхитительными барельефами, далѣе Гурнахъ и базилика Сетиса I, при входѣ въ долину царскихъ гробницъ. Осмотръ царскихъ гробницъ по этимъ длиннымъ, поддерживаемымъ колоннами корридорамъ особенно восхищаетъ любопытныхъ представительницъ женскаго рода. Оригинальное зрѣлище представляетъ процессія нарядныхъ хорошенькихъ женщинъ, со свѣчами въ рукахъ, въ этомъ царствѣ смерти.

Въ этомъ году новое большое открытіе даетъ много пищи фантазіи. Американская экспедиція, подъ предводительствомъ мистера Девиса, открыла гробницу Тотмеса IV, восемнадцатой династіи (за 1800 лѣтъ до Р. Х.) Обстановка этой гробницы сохранилась въ совершенствѣ. Возлѣ розоваго гранитнаго саркофага нашли все, до военной колесницы властителя включительно. Доступъ въ эту гробницу разрѣшается только привилегированнымъ лицамъ. Другая экспедиція, итальянская, подъ предводительствомъ професссора Туринскаго музея, Балерини, работаетъ по близости въ другой долинѣ, Бибанъ-Эль-Гаремъ,—мертвомъ городѣ египетскихъ царицъ. Въ первой недавно открытой могилѣ нашли разряженную молодую царицу, а возлѣ нея атрибуты ея достоинства,—систру и корону. Въ другой могилѣ нашли девять мумій принцессъ, еще улыбавшихся подъ своими золотыми масками. На молодыхъ лицахъ посѣтительницъ, съ напряженнымъ любопытствомъ всматривавшихся въ мумій, отразилось какое-то безпокойство, щеки поблѣднѣли, глаза подернулись облаками грусти, и задумчиво пошли онѣ обратной дорогой, мимо подножія безстрастнаго колосса.

По вечерамъ въ салонѣ отеля собираются всѣ туристы, полные впечатлѣніями проведеннаго дня. Однажды вечеромъ въ гигантскомъ залѣ отеля былъ устроенъ даже костюмированный балъ. Вдругъ среди одалисокъ и египтянокъ появилась красавица-американка, одѣтая обелискомъ, въ шелку цвѣта розоваго гранита, покрытаго газомъ съ вышитыми іероглифами. Ея появленіе произвело страшную сенсацію. Всѣ передъ ней разступались, и она съ неподражаемымъ мастерствомъ исполнила танецъ обелискъ, напоминая рисунки въ храмахъ, изображавшіе священные танцы. Это были ритмическія движенія, подобныя траурному маршу. Затѣмъ ее окружили другія миссъ, переодѣтыя жрицами Изиды, выступавшія сперва очень медленно, но затѣмъ ихъ движенія становились все быстрѣе и безпорядочнѣе и закончились настоящимъ „Cakl yolk“ фараоновъ. Въ другіе дни здѣсь бываютъ лошадиныя скачки, устраиваются кавалькады амазонокъ,туземныя состязанія на ослахъ и верблюдахъ, скачки различныхъ звѣрей, начиная съ черепахъ и хамелеона, до ящерицы 30 метровъ длины; борьба на канатѣ, игра въ „поло“ и рѣчныя гонки.

Маленькія семьи.

Ничего нѣтъ грустнѣе и трогательнѣе на свѣтѣ оставленнаго, одинокаго ребенка, лишеннаго материнской любви и ухода. Такихъ несчастныхъ дѣтей во Франціи около 45 тысячъ. Общественная благотворительность подбираетъ ихъ, помѣщаетъ въ различныя заведенія и воспитываетъ ихъ. Но никакое благотворительное заведеніе не можетъ замѣнить дѣтямъ семью. И вотъ, во Франціи нашлись сострадательные люди, которые выдумали геніальное устройство маленькихъ семей для дѣтей-сиротъ.

Восемь, десять, самое большое двѣнадцать мальчиковъ или дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 4—14 лѣтъ, образуютъ эти маленькія семьи. Они живутъ, какъ сестры и братья, подъ одной крышей; у нихъ одна общая „мать“, которая живетъ вмѣстѣ съ ними, играетъ и раздѣляетъ ихъ дѣтскія радости и горести. Кромѣ того, у каждой такой семьи есть покровительница, какая-нибудь богатая или знатная дама, удѣляющая имъ частичку своего времени и состоянія.

Учрежденіе этихъ маленькихъ семей относится къ 1891 году, и въ настоящее время уже есть 11 семей евангелическаго, католическаго и іудейскаго вѣроисповѣданій, изъ которыхъ каждая живетъ въ хорошенькомъ, маленькомъ домикѣ съ садомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ семей существуютъ на пожертвованія и подарки, другія на частные капиталы. Въ обоихъ случаяхъ организація ихъ одинакова. „Мама“ воспитываетъ и руководитъ своей маленькой паствой по собственному желанію и разумѣнію. Она есть центръ семьи и ея образъ дѣйствій накладываетъ характерный отпечатокъ на дѣтей. Какъ настоящая мать, она печется о своихъ дѣтяхъ, и если выходитъ замужъ, то мужъ ея заступаетъ мѣсто „отца“. Впрочемъ, обыкновенно такой „отецъ“ желателенъ только въ семьяхъ изъ мальчиковъ; у дѣвочекъ же обыкновенно мѣсто матери заступаютъ тѣ женщины, которыя отказались отъ брака и личнаго счастья и всѣ богатства своего сердца посвятили благу безпріютныхъ сирыхъ дѣтей.

„Матери“ этихъ маленькихъ семей не получаютъ никакого содержанія. Ихъ вознагражденія хватаетъ только на покрытіе матеріальныхъ нуждъ. Потому-то холодныя, разсчетливыя натуры не пойдутъ на эти мѣста. Точно установить расходы на содержаніе подобной семьи невозможно—это находится въ зависимости отъ числа и возраста дѣтей. Въ общемъ, на каждаго ребенка отпускается 12 руб. въ мѣсяцъ.

Большинство изъ этихъ дѣтей вырвано изъ глубокой нужды и страшно испорченной среды, и потому, при вступленіи въ семью, совершенно порывается связь съ прошлымъ и родительскимъ домомъ. На первый взглядъ это кажется жестокимъ и неправильнымъ, но опытъ показалъ, что только такимъ путемъ можно добиться полнаго успѣха, и дѣти почти никогда не [illegible]ся обратно домой. О какой нибудь

„формѣ“ для призрѣваемыхъ дѣтей здѣсь и помину нѣтъ: здѣсь все дышетъ духомъ семьи. Дѣти чисто и мило одѣты, какъ дѣти зажиточныхъ семей: волосы ихъ подвязаны ленточками; даже самыя маленькія дѣтки пріучаются къ опрятности, накрываютъ на столъ, вытираютъ вмѣстѣ съ „мамой“ пыль: старшія дѣти уже оказываютъ большую поддержку въ хозяйствѣ и въ присмотрѣ за меньшими.

Дѣтей школьнаго возраста „мама“ отводитъ и приводитъ обратно: старшія учатся какому-нибудь ремеслу у спеціалиста или въ спеціальныхъ мастерскихъ.

Каждый четвергъ эти маленькія семьи посѣщаютъ маленькіе „пріятели“ и „пріятельницы“. Это дѣти хорошихъ фамилій, которыя состоятъ членами общества „Союзъ маленькихъ друзей“: до восьми лѣтъ они вносятъ по 2 франка въ годъ, послѣ восьми—5 франковъ. За это они получаютъ членскіе билеты и ежегодный отчетъ общества. Они посылаютъ своимъ маленькимъ питомцамъ платье, книги, игрушки, плоды, пирожки; на праздникахъ тоже вносятъ свою посильную лепту и отъ времени до времени налагаютъ на себя „недѣлю воздержанія“; въ эти дни они отказываются отъ своихъ удовольствій и сладостей въ пользу маленькихъ „друзей“. Разъ въ недѣлю, какъ уже сказано выше, они приходятъ „въ гости“ къ нимъ и вмѣстѣ играютъ безпечно и весело, какъ могутъ играть только дѣти. Впослѣдствіи, когда питомцы маленькой семьи выростутъ и чему-нибудь научатся, они находятъ поддержку и мѣста у своихъ же маленькихъ покровителей. Это-то и есть главная цѣль „союза маленькихъ друзей“.

Права женщинъ во времена фарасновъ.

Многихъ, вѣроятно, поразитъ тотъ фактъ, что у нынѣшнихъ представительницъ женскаго движенія были предшественницы, скрытыя въ глубинѣ историческихъ временъ. Достовѣрно извѣстно, что во времена фараоновъ женщина занимала такое положеніе, къ которому еще только стремятся нынѣшнія женщины, какъ къ идеалу. Очень интересенъ въ этомъ отношеніи докладъ египтянина Аттіа Ваби: „О положеніи женщины во времена фараоновъ“, прочтеннаго имъ въ „Египетскомъ институтѣ“ въ Каирѣ, въ обществѣ египтологовъ. У древнихъ египтянъ женщина не только занимала ровное положеніе съ мужчиной, но она даже имѣла на него преобладающее вліяніе. Изъ всѣхъ странъ древняго міра Египетъ былъ единственной, которая признавала права женщинъ; ни въ одной другой странѣ женщина не имѣла равныхъ правъ съ мужчиной. Древніе папирусы и намогильныя надписи свидѣтельствуютъ, какое важное мѣсто занимала женщина въ общественной и частной жизни египтянъ. Тамъ женщины даже бывали губернаторами провинцій. Титулы и званія и даже тронъ наслѣдовали также и дочери. Гробницы Бени-Гассана доказываютъ, что наслѣдственныя права египетской знати переходили также и на женскую линію. То же самое происходило и во всѣхъ слояхъ населенія. Памятники третьей и четвертой династіи показываютъ, что женщинамъ лично, несмотря на положеніе ихъ мужей, жаловались жреческія званія и важныя гражданскія должности. Женщины могли подписывать документы, свидѣтельствовать на судѣ и распоряжаться своею собственностью. Ваби привелъ нѣсколько прелестныхъ любовныхъ пѣсенъ и надгробныхъ эпитафій, сочиненныхъ вдовами и вдовцами, въ доказательство того, что женщины, несмотря на свои обширныя гражданскія права, питали очень сильную привязанность къ своимъ мужьямъ и были „красивы, привлекательны, столько же, какъ энергичны, дѣятельны и образованы“. Женщины египетскія также пользовались огромными правами въ домашней жизни. Бракъ у египтянъ считался священнымъ договоромъ, ставящимъ на одну ступень мужчину и женщину. Семья была надеждой и цѣлью брака. Вѣрность требовалась одинаковая отъ обоихъ супруговъ; разница между измѣной жены и мужа, существующая въ нынѣшнихъ законахъ, въ Египтѣ была неизвѣстна. Дѣвушка свободно избирала себѣ мужа. Изъ равенства женщинъ къ семьѣ вытекали и одинаковыя наслѣдственныя права дочерей и сыновей; никакими преимуществами старшіе не пользовались, и родъ не прекращался, хотя бы вся семья состояла изъ однѣхъ дѣвочекъ. Женщина имѣла свою наслѣдственную часть и распоряжалась по своему усмотрѣнію; въ брачномъ контрактѣ ей была выговорена ежегодная опредѣленная сумма и вознагражденіе въ случаѣ, если она будетъ покинута мужемъ. На обязанностяхъ жены, госпожи въ домѣ, лежала забота о семьѣ и изготовляемыхъ въ домѣ издѣліяхъ, которыми она могла распоряжаться безконтрольно.

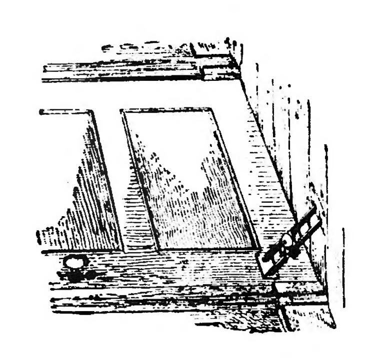
ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ ЗАПАХЪ.

Что негръ и китаецъ обладаютъ очень непріятнымъ, чтобы не сказать больше, запахомъ для европейскаго носа, всѣмъ извѣстно. Но то же самое происходитъ и съ азіатами. Одинъ японецъ, докторъ Бунтаро Адахи, пишетъ въ „Globus“ слѣдующее: „Запахъ европейца извѣстенъ каждому японцу. Для японскаго носа запахъ европейцевъ, а особенно женщинъ, страшно непріятенъ: какой-то ѣдкій, прогорклый и, смотря по индивидууму, то сладкій, то горькій; часто запахъ этотъ настолько силенъ, что наполняетъ всю комнату. Впрочемъ, запахъ находится въ тѣсной связи съ возрастомъ. Дѣти и старики не пахнутъ совсѣмъ, или гораздо меньше, чѣмъ люди въ зрѣломъ возрастѣ. Большинство японцевъ, живущихъ долгое время въ Европѣ, сначала находятъ запахъ европейцевъ невыносимымъ, но затѣмъ привыкаютъ. Запахъ этотъ не можетъ даже быть удаленъ посредствомъ мытья“.

Одинъ китаецъ, извѣстный генералъ Ченъ-Китонгъ, бывшій прежде военнымъ агентомъ при китайскомъ посольствѣ въ Парижѣ, въ предисловіи къ своей книгѣ о французахъ пишетъ слѣдующее: „Самое для меня непріятное было, когда я пріѣхалъ въ Парижъ, не перемѣна образа жизни, хотя очень тяжело, привыкшему къ комфорту обитателю Небесной имперіи привыкать къ неудобствамъ Парижа, къ жесткому одѣянію, къ плохой ѣдѣ, къ недостатку ароматическихъ напитковъ, хорошаго табака и искусной прислуги. Нѣтъ, самое непріятное для меня было безобразіе европейцевъ, грубыя лица которыхъ оскорбляли мой художественный вкусъ, а также отвратительный запахъ, который распространяли вокругъ себя самыя красивыя, самыя свѣжія, выхоленныя женщины. Цѣлый годъ прошелъ, пока мой носъ привыкъ къ этому зловонію“.

Дверной предохранитель.

Два провода—одинъ главный отъ батарей, другой прикрѣпленный къ дверямъ, соединяются на простѣйшемъ аппаратѣ, показанномъ на рисункѣ; стоитъ отворить дверь, хотя бы самую малость, токъ

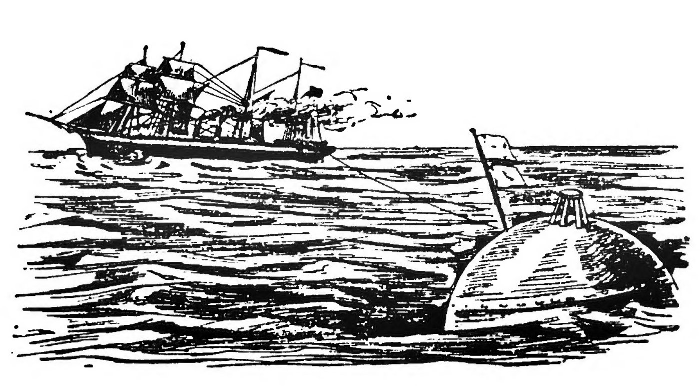
Дверной предохранитель.

замыкается, и аппаратъ, снабженный сильнымъ звонкомъ, начинаетъ дѣйствовать. Несмотря на свою простоту, этотъ предохранитель такъ разсчитанъ, что снаружи его немыслимо испортить. Напротивъ, изнутри его легко принудить къ молчанію: стоитъ только отвести главный проводъ.

Человѣка за бортъ!

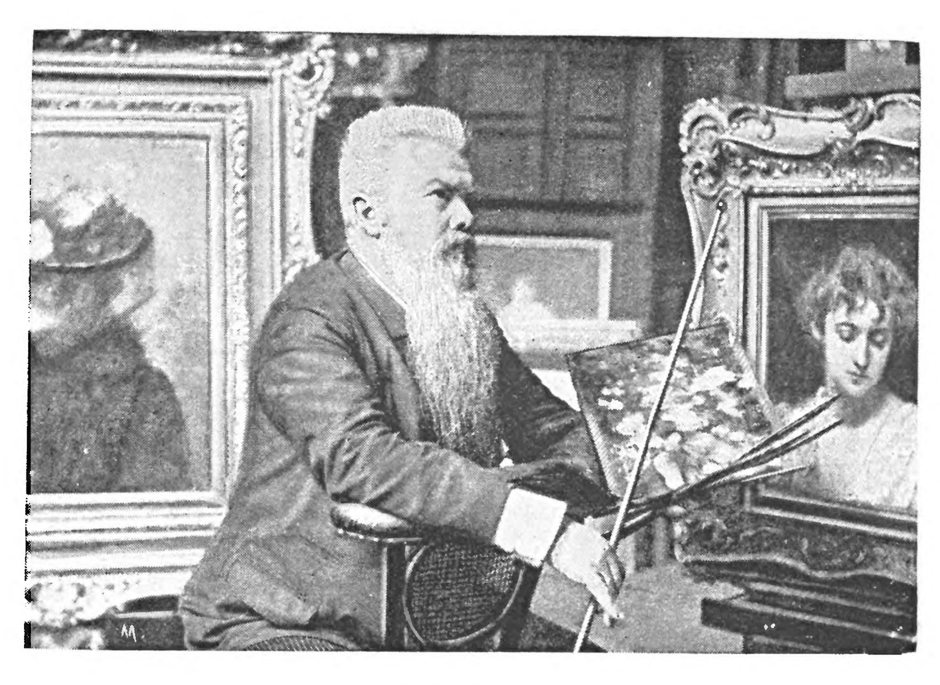
Судно, потерпѣвшее аварію, блуждаетъ въ морѣ; команды—двадцать человѣкъ. Провизія на исходѣ; капитанъ рѣшаетъ сократить команду; одного человѣка надо бросить за бортъ, чтобы было однимъ ртомъ меньше. Среди матросовъ—негръ. Капитанъ рѣшилъ, что на негра и долженъ пасть жребій. Матросы могли становиться въ любомъ порядкѣ. Каждый седьмой въ шеренгѣ выходитъ вонъ и освобождается. Капитанъ, начавъ считать съ себя, третьимъ сосчиталъ негра. Въ концѣ-концовъ, негръ оказался лишнимъ. Куда бы онъ потомъ ни становился, все же онъ былъ бы послѣднимъ.

Ген.-лейт. Ф. Я. Ростковскій,
назначенный начальникомъ главнаго интендантскаго управленія и главнымъ интендантомъ военнаго министерства.

Ю. Я. Леманъ,
знаменитый художникъ, царь женскаго портрета.
(Къ статьѣ на стр. 99).

Современный Діогенъ.

Парижъ не только центръ всего ученаго, изящнаго и богатаго, но онъ средоточіе и своеобразныхъ причудъ и чудаковъ. Среди нихъ одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ „современный Діогенъ". Зовутъ его Ратлэ. Онъ ходитъ въ цилиндрѣ и синей рабочей блузѣ; пенснэ болтается на шнуркѣ. Но щеголь живетъ въ бочкѣ. Въ ней его кабинетъ, гостиная и спальня. Жилище по нашимъ временамъ не слишкомъ комфортабельное, но, во-первыхъ, оно свободно перемѣщается изъ града въ градъ, а во-вторыхъ—античный Діогенъ вѣдь не пользовался и такими удобствами.

Ратлэ по специальности „магъ кнута". При помощи этого незамысловатаго орудія съ кнутовищемъ аршина въ три и короткой рукояткой, онъ разыгрываетъ цѣлыя пьесы: бормочетъ, шепчетъ, то нѣжно, то угрожающе, обвиняетъ и защищаетъ, бранитъ и льститъ. Тѣ, кто присутствовали при сеансахъ Ратлэ, увѣряютъ, что музыка его кнута дѣйствовала необыкновеннымъ образомъ на ихъ души!

Пріютившись въ укромномъ уголкѣ Діогенъ собираетъ вокругъ себя публику и плѣняетъ ее своимъ искусствомъ, собираетъ доброхотныя пожертвованія, которыя въ плохой день составятъ 1½—2 рубля, а въ хорошій—пожалуй, и всѣ пятнадцать

Діогенъ не только „концертный" виртуозъ; онъ умѣетъ прилагать свое искусство къ менѣе возвышеннымъ задачамъ; на конскихъ ярмаркахъ онъ — желанный гость, при продажѣ лошадей сумѣетъ незамѣтно для покупщика настегать лошадь, какъ никто; безнадежная кляча, ободренная имъ, не уступитъ чистокровному скакуну. Другое подобное ремесло Ратлэ — обогащеніе дачной мѣстности дичью. Если въ одномъ имѣніи ея нѣтъ, а въ сосѣднемъ много, Діогенъ, сговорившись съ заинтересованнымъ помѣщикомъ, отправляется въ лѣсъ сосѣда, и подымаетъ тамъ, при помощи того-же волшебнаго кнута, такой шумъ, что испуганныя животныя мчатся прочь, охваченныя паническимъ ужасомъ.

К. Н. Анчутинъ.
назначенный помощникомъ Августѣйшаго начальника главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

Ратлэ патріотъ; по высокоторжественнымъ днямъ онъ выбрасываетъ изъ своей бочки два флага. Не гоняясь за комфортомъ, онъ, однако, сумѣлъ усовершенствовать во многихъ отношеніяхъ свою бочку: напримѣръ, дверцы затворяются секретнымъ механизмомъ. Прослышавъ, что его называютъ Діогеномъ, магъ кнута полюбопытствовалъ, кто былъ сей мужъ. Ему разсказали про древняго философа, искавшаго съ фонаремъ человѣка.—Ну, и дуракъ,—рѣшилъ Ратлэ,—съ фонаремъ, да не найти человѣка!.. А какъ же я-то? и безъ фонаря нахожу всюду сотни людей!..

Скиталецъ. Леонидъ Андреевъ. М. Горькій. Шаляпинъ. Бунинъ. Телешовъ. Чириковъ.
Молодыя литературныя и художественныя силы.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропперъ.